

«В ПРЕЗИДИУМ ВЦИК
В ПРЕЗИДИУМ ВЧК

Политический Красный Крест считает своим долгом обратить внимание Президиума на систематическое ухудшение в последнее время положения политических заключенных. Содержание заключенных вновь стало приближаться к практике, которую мы наблюдали в первые дни острой гражданской борьбы, происходившей на территории Советской России, когда в распоряжении власти не было еще налаженного следственного аппарата, не было приспособленных для заключения помещений, не было, наконец, всего трехлетнего опыта организации. Эксцессы, происходящие на этой почве в нервной обстановке 1918 года, в свое время подверглись категорическому осуждению со стороны самой власти — о них открыто и много говорили на страницах органов печати, в предварительных комиссиях и в партийных кругах. И теперь вновь в повседневной практике воспроизводятся казалось бы уже отошедшие в прошлое явления.

Ближайшим поводом для настоящего обращения является событие, ярко иллюстрирующее наше утверждение. Мы говорим о неожиданном вывозе, по официальным данным, 55 социалистов и анархистов Бутырской тюрьмы в ночь с 25 на 26 апреля. Официальным мотивом для этого исключительного в современной летописи факта, как сообщено Красному Кресту, явилась необходимость удаления из тюрьмы беспокойных элементов, своим массовым скоплением, своей сплоченностью и солидарностью нарушавших нормальный тюремный обиход. Мы не можем вводить оценку этих административных мотивов, но мы можем обратить внимание Президиума на противоречия, заключающиеся между этими официальными мотивами и той оценкой режима, установившегося в последние месяцы в Бутырской тюрьме, которая была дана в органе Центрального Комитета Коммунистической партии ("Правда", № 77, 10 апреля 1921 года) старым партийным работником Н. Л. Мещеряковым, по его собственным словам, "часто и иногда подолгу" сживавшим в тюрьме во время царизма.

Статья эта описывает тюремную жизнь в Советской России на основании наблюдений при непосредственном посещении Бутырской тюрьмы. Н. М. Мещеряков с большим сочувствием и одобрением отмечает, что видел открытыми двери камер, что комендант, входя в одиночную камеру, стучит в дверь; с удовлетворением говорит о вежливом обращении администрации, о предоставлении заключенным газет, книг и письменных принадлежностей, доставляемых с воли, о долгих прогулках, об облагораживающем влиянии общения мужчин и женщин и пр<очее> пр<очее>. Этот новый тюремный режим как бы получил официальное признание также и в одной из нот Комиссариата Иностранных дел, обращенной к Латвийскому правительству.

И вот как раз после помещения этой статьи в "Правде", этот новый, более нормальный режим был, очевидно, признан нарушением старых тюремных правил традиционного тюремного обихода, и перед нами — факт: заключенных по политическим мотивам людей ночью, без всякого предупреждения, с применением силы вывозят из тюрьмы, причем, в течение двух недель ни Красный Крест, ни родные не знают, куда. Пусть это было только ответом на "эксцессы" и сопротивление заключенных, но разве могло быть по иному, в атмосфере нервной напряженности, при ночном посещении, когда в камеры врываются вооруженные люди, захватывают спящих полуодетых, равно мужчин и женщин, и волокут из тюрьмы неизвестно куда? Этот факт приобретает тем больше значения,

что не является исключением. Массовые высылки неожиданно, часто даже без всякого предупреждения и без внешнего повода, бывали и раньше. Можно было думать, что теперь уже прошло время для повторения таких фактов. Между тем, это случилось и проходило в гораздо худших условиях, чем полгода назад: многие отправлены без вещей, многие побиты. Все это может быть удостоверено показаниями потерпевших, если Президиум обратит на происшедшее должное внимание.

Таинственность, с которой вывезены Бутырские заключенные, является обычной мерой в последнее время: заключенным не сообщается заранее о переводе из одного места заключения в другое, ни о высылке их в другие города. Таким образом, ни Красный Крест, ни родственники не имеют фактической возможности облегчить тяжелое положение увозимых. Справки о заключенных в ВЧК вообще перестали выдаваться родственникам. Невыдача справок не есть явление случайное, обусловленное несовершенством канцелярского аппарата: приказом по ВЧК воспрещается их выдавать? Не во всех камерах бывали даже "параша"; пользование уборной в третий раз допускается в виде исключения и зависит от усмотрения стражи. Естественно, что такой порядок заключенные готовы подчас приравнять к своего рода физической пытке. Обращение низшего персонала, по словам заключенных, отличается грубостью, зачастую сопровождается площадной руганью и обращением на "ты". Постановление Президиума ВЧК от 9 сентября 1920 года, где предписывалось вежливое обращение, не исполняется.

Все это создает весьма тяжелую картину тюремной обстановки, слагающуюся, быть может, из мелочей, которые легко устранимы, но оттого не менее тяжелые для заключенных. Своевременным доведением всего этого до сведения надлежащих властей можно было бы давно устранить эти недостатки. Между тем, представители Красного Креста, которые сочли своим долгом это сделать, вовсе не допускаются во внутреннюю тюрьму ВЧК, а в остальные тюрьмы, в особенности, к заключенным, числящимся за ВЧК, допускаются в крайне недостаточном количестве, о чем Политический Красный Крест не раз доводил до сведения ВЧК.

Далее нельзя не указать также на уродливые формы, в которые выливается иногда широко используемая система засад, когда захватывается масса случайных людей, не имеющих никакого отношения к политике, причем, люди эти надолго задерживаются в тюрьме. Это вызвано тем, что нет твердо соблюдаемых правил для срочного расследования причин ареста и степени виновности лиц, взятых в засаде. Мы можем привести большое количество случаев, когда арестованные в засадах больше месяца не подвергались никакому допросу. Да и вообще, постановление ВЦИК от февраля 1919 г <ода>, по которому следователям ВЧК предписывалось оканчивать следствие по делам в течение месячного срока, решительно не соблюдается.

Наглядным пособием могут служить дела о, так называемом, шпионаже. В производстве имеются самые разнообразные дела этой категории: и по отношению к лицам, приехавшим из-за границы с надлежащими пропусками и визированными документами; и в отношении местных жителей, иной раз неграмотных крестьян, перешедших прифронтовую полосу, чтобы вернуться в свою деревню; и по отношению к почемучи-либо заподозренных иностранных граждан, почти всю жизнь проживших в Москве: фотографа при миссии, сфотографировавшего группу сотрудников миссии без разрешения или даже просто лиц, обратившихся в иностранную миссию по телефону, посетивших миссию для сдачи или получения письма, посылки и т. д. Таких дел нынче неограниченное множество, и при всем разнообразии поводом к

обвинению в шпионаже всем им родственна одна черта: они тянутся многие недели и даже месяцы.

Беглая картина, нарисованная нами, дает очень бледное воспроизведение происходящего в действительности. Мы позволяем себе еще раз выразить надежду, что Президиум прислушается к нашему голосу. Только сознание необходимости выполнить свой долг диктует нам это обращение, которое нами направляется одновременно в Президиумы ВЦИК и ВЧК»¹.

<Ноябрь 1921>

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ МОСКОВСКОГО СОВДЕПА

Л. Б. КАМЕНЕВУ

От Красного Креста
(Кузнецкий Мост, 16)

ЗАЯВЛЕНИЕ

По докладу Е. П. Пешковой в заседании 28-го ноября Московский Комитет Креста постановил довести до Вашего сведения, что в Бутырской тюрьме среди политических заключенных вновь нарастает крайне тяжелое настроение в связи с крайне медленным применением амнистии к политическим заключенным этой тюрьмы. По дошедшим до Комитета сведениям, основанным на докладе Е. П. Пешковой, это настроение может в связи с систематическим недоеданием и прочими тяжелыми внешними материальными и внутренними моральными условиями жизни тюрьмы вылиться в крайне нежелательные формы, ибо наиболее нервные элементы тюрьмы вновь заговаривают о необходимости объявления голодовки. Обо всем этом Комитет постановил довести до Вашего сведения и просить Вас оказать содействие к тому, чтобы: 1) было формально объявлено о продлении срока применения амнистии на такой период времени, в течение которого только что приступившая к разгрузке тюрьмы по амнистии Комиссия могла бы разобраться в делах заключенных, ибо такое распоряжение успокоило бы тревогу, основанную на предположении, что крайним сроком применения амнистии является 1–2-ое декабря, и что после этого срока амнистия применяться не будет и теряет свою силу, и 2) приложить все усилия к тому, чтобы Комиссия по разгрузке Бутырской тюрьмы по амнистии, только что на днях начавшая действовать, более интенсивно повела свою работу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СЕКРЕТАРЬ»².

<5 апреля 1928>

«В ОГПУ

В Бутырской тюрьме в последнее время крайне ограничен прием передачи продуктов.

Просьба отменить запрещение передачи рыбы, яиц, творога, сыра, икры, соленых огурцов, фруктов. Эти продукты разрешается получать только из кооператива при тюрьме, а от родственников тех же продуктов не принимают.

Просьба также разрешить передачу продуктов в посуде — как молоко, компот, бульон, кисель. В посуде ничего не принимается»³.

В конце заявления — помета:

¹ ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 8. С. 37. Машинопись.

² ГАРФ. Ф. 8419. Оп. 1. Д. 8. С. 24. Машинопись.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. С. 5. Машинопись.

«Нельзя».

<9 июня 1928>

«В ОГПУ

Семьи арестованных остаются несколько месяцев без средств, вследствие невозможности или большой трудности получения заверенных доверенностей на получение причитающегося жалования.

Просьба распорядиться Комендантам Бутырской и Внутренней тюрем немедленно отправлять по адресам родственников заверенные доверенности заключенных.

Просьба также дать распоряжение получать от заключенных доверенности на получение указанным ими лицам их вещей и заверенные отправлять немедленно по адресу. Эта просьба вызвана тем, что целый ряд приговоренных отправляются без вещей только потому, что доверенности на получение таковых из квартир домовые комитеты получают с большим опозданием.

Просьба распорядится выдавать родственникам или семьям вещи, деньги, находящиеся с ними во время заключения, лиц, приговоренных к В<ысшей> М<ере> наказания.

Просьба дать распоряжение в Бутырскую тюрьму и во Внутреннюю выдавать на руки высылаемым деньги до 25 руб., а остальные посылать по их указанию или на место ссылки, а не вслед заключенному в Центральный пункт, т<ак> к<ак> в последнем случае деньги доходят до заключенных через многие месяцы»⁴.

В конце заявления — помета:

«Будет принято во внимание».

<31 июля 1928>

«В ОГПУ

Просьба дать распоряжение коменданту Бутырской тюрьмы давать родственникам сведения о состоянии здоровья больных, находящихся в околоте и изоляторе Бутырской тюрьмы.

Родственники в этих случаях лишены свидания и беспокоятся о родных»⁵.

В конце заявления — помета:

«Будет дана телефонограмма комендатуре о даче сведений о состоянии здоровья родственникам».

<3 ноября 1928>

«В ОГПУ

В Бутырскую тюрьму не принимается никакая посуда, заключенным приходится есть из общих чашек, что весьма не гигиенично, просьба распорядиться принимать тазы, ложки, чашки.

Во внутренней тюрьме не принимают никаких шерстяных вещей: белье, фуфайки, брюки и пр<очее>, а также обувь.

Просьба распорядится принимать во Внутреннюю тюрьму эти вещи»⁶.

На заявлении — помета:

«Обещано дать указания о приеме».

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. С. 13. Машинопись.

⁵ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. С. 25. Машинопись.

⁶ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 227. С. 33. Машинопись.